

ГЛАВА VI. Жизнь Прудона в тюрьме. — Его женитьба. — Отношение к жене и детям. — Литературные работы. — Теория анархизма. — Проекты разных хозяйственных предприятий

Не желая сидеть три года в тюрьме и не иметь никакой возможности принимать участие в политической жизни страны, Прудон решился бежать в Бельгию. Но ему было трудно прижиться вдали от Парижа; он привык к своей лихорадочной деятельности, которая доставляла ему громкую известность во всем мире, и его влекло вернуться во Францию и возобновить борьбу с Наполеоном. Он действительно через неделю возвратился под чужим именем в Париж, поселился там у своего приятеля и в течение нескольких месяцев удачно скрывался от полиции. Все это время Прудон усиленно работал — почти в каждом номере газеты «Le peuple» появлялись его статьи. По вечерам он выходил из своего убежища, которое не решался покидать днем из боязни быть узнанным, и гулял в отдаленных частях города. Мало-помалу публицист-гастролер сделался менее осторожным, начал показываться днем в модных местностях и даже прогуливаться по бульварам. Полиция его узнала, и 6 июля 1849 года он был арестован и заключен в тюрьму Сен-Пелажи.

Это было решительным поворотом в жизни Прудона. Его политическая роль закончилась навсегда, и вся его последующая жизнь представляет для историка меньше интереса, чем несколько месяцев его деятельности в качестве народного представителя и публициста в 1848 и 1849 годах. Внешние обстоятельства сложились для него очень неблагоприятно. Первое время тюремного заключения он мог свободно писать в своей газете, но, естественно, он не мог продолжать свою прежнюю борьбу с правительством; впоследствии свобода его была значительно ограничена, и он должен был почти совершенно отказаться от роли политического писателя. Когда срок заключения его кончился и он получил возможность делать все, что ему угодно, общественное положение Франции настолько изменилось, что ему нечего было и думать восстановить свое упавшее влияние. Тревожное и неустойчивое время февральской революции сменилось правлением Луи Наполеона, умевшего сурово подавлять всякую оппозицию и поддерживать в стране наружный порядок и спокойствие. Прудон на собственном опыте испытал, что бонапартовский режим был мало благоприятен для свободной мысли и независимой деятельности.

В тюрьме Прудон женился на простой работнице, с которой он был знаком уже несколько лет и которая заслужила его симпатию и благодарность своей бескорыстной преданностью. С его стороны не было и тени влюбленности; он давно решил жениться на простой и честной девушке, способной с успехом заниматься хозяйством и быть матерью его детей. В более молодые годы, когда можно было ожидать с его стороны более нежного отношения к женщинам, он был способен к любви так же мало, как и в сорок лет. В 1843 году Прудон пишет Аккерману следующее письмо: «Ностье приготовил для меня хорошенькую крестьянку из Нейли на Марне. Он предполагает, что по части женщин все, что нужно для философа — это крестьянка. Конечно, я не имею претензии на этот титул, но посмотрю на выбор, и, если мне суждено жениться, я с философским спокойствием покорюсь моей участи. Но меня беспокоит то, что вы, мой друг, влюблены и боготворите свою жену, как какой-нибудь *jeune-premier*. Подумайте, что вы будете в состоянии ей дать через 10 лет, через 3 месяца, через 6 недель?.. Неужели вы думаете, что честность, прямота, любовь к труду и благородство могут заставить ее позабыть разные мелкие недостатки, которых мы, мужчины, и не замечаем друг в друге?»

Для Прудона женщины были низшим существом, созданным для пользы и удовольствия мужчины. Не будучи от природы страстным и никогда не любив, он глубоко презирал всю поэзию любви и считал любовные увлечения недостойными сильного и умного мужчины. Сент-Бёв рассказывает, что еще в ранней молодости он умел укрощать свои чувственные побуждения при помощи следующего романтического средства: он вылезал ночью на крышу своего дома и смотрел на темное небо, усеянное звездами. Зрелище величавой и бесконечной природы охлаждало его пыл и к нему снова возвращалось самообладание. В зрелом возрасте он не нуждался в созерцании звездного неба для того, чтобы устоять против женского очарования, и вел жизнь почти аскетическую.

Его брак может быть назван до известной степени счастливым, так как он нашел в своей жене то, что искал — хозяйку и мать. Что была за личность его жена — сказать довольно трудно; по-видимому, она была малообразованна и не принимала никакого участия в интеллектуальной жизни своего мужа. Для последнего она мало значила сама по себе; он умел быть хорошим другом, любящим сыном и нежным отцом, но к своей жене относился

чрезвычайно холодно и даже жестоко. Когда она заболела и можно было опасаться ее смерти, Прудон боялся только того, что его дом останется без хозяйки, а дети без матери. Он пишет своему приятелю письмо, полное тревоги за будущее, и ни одним словом не выражает сожаления о жене. Очевидно, жена не была ему близким человеком и потеря ее не столько огорчала, сколько беспокоила его.

Совсем иначе Прудон относился к детям. Он их любил с такой искренностью, которую трудно было заподозрить в этом суровом и раздражительном человеке. По его собственному признанию, дети заполняли пустоту в его существовании. Он любит в письмах рассказывать разные эпизоды из их жизни, описывает их наружность, привычки и, видимо, сам живет их жизнью. У него было четыре дочери, из которых две умерли в раннем возрасте. Старшая, Катерина, названная так в честь его матери, родилась в то время, когда он был в тюрьме. В 1854 году, во время его собственной болезни, умерла его маленькая дочь, которой не было еще году; чтобы не расстраивать больного отца, от него это скрывали в течение недели. Когда же Прудон узнал, что его дочери нет в живых, то был глубоко потрясен этим известием и писал друзьям, что он буквально задыхается от горя.

В своих взглядах на задачи воспитания и на обязанности отца Прудон оставался вполне последовательным и верным самому себе. Он не заботился об образовании своих дочерей; они должны привыкнуть к труду, помогать матери — для того, чтобы быть истинными работницами, когда вырастут. Другой участи знаменитый публицист не желал для своих детей. В одном письме он так описывает свою старшую дочь Катерину, которая была его гордостью: «Катя исполняет все поручения, ходит в лавку и носит письма на почту. Дома она ухаживает за сестрой, накрывает на стол, собирает и моет посуду, катает белье и натирает пол. У нее много талантов! Правда, она едва умеет читать и писать и совсем незнакома с арифметикой; но это ничего — я из нее не собираюсь делать синего чулка».

Внешние условия жизни в тюрьме не были особенно тяжелы для Прудона. Он привык ко всяким лишениям, и тюремная камера казалась ему более удобным помещением, чем его прежняя квартира. Напротив здания тюрьмы жила его жена с дочерью; они могли во всякое время дня свободно видаться друг с другом из окна. Первое время заключения он пользовался значительной свободой и мог под честное слово на целый день уходить из тюрьмы. Тем не менее невозможность вести прежнюю жизнь и принимать участие в политической борьбе угнетала Прудона и приводила его иногда в мрачное расположение духа; в такие минуты он проклинал свою полемику, которая дала возможность правительству так ловко от него отделаться.

Он продолжал с прежним интересом следить за политическими событиями, которые давали блестящее доказательство справедливости опасений Прудона. Наполеон очевидно замыслил нарушить присягу конституции французов. Но нужно заметить, не к чести Прудона, что в тюрьме он не относился к Наполеону с такой же решительной враждой, с которой он относился к нему на свободе. Тюремное заключение в значительной степени охладило его пыл, его революционная горячка прошла окончательно, и мы лишь видим Прудона таким, каким он был до 1848 года. Он называет себя человеком полемики, а не баррикад, и выражает уверенность, что может достигнуть своих целей, обедая каждый день с префектом полиции. По своему неисправимому оптимизму он иногда мечтает сделать

Наполеона своим орудием и с его помощью организовать Народный банк. Сообщая об этом своим друзьям, Прудон заранее торжествует победу; он собирается послать правительству все статуты нового учреждения с пояснительной запиской от себя лично и надеется достигнуть того, что президент республики сделается главным акционером Народного банка. Нечего и говорить, что его надежды оказались основанными на иллюзиях.

Вскоре его газета «Le peuple» была закрыта, но его друзьям удалось через несколько месяцев основать новый орган «La voix du Peuple» с прежней редакцией и с прежним составом сотрудников. В первом же номере было помещено открытое письмо Прудона, в котором он заявляет, что время борьбы прошло и настало время рассуждений; он призывает республиканские партии к примирению и предостерегает редакцию от политики лести и предвзятой вражды к правительству.

Прудон имел право из своего заключения писать в газетах, и он деятельно пользовался этим правом. Он принимает живое участие в редакционных хлопотах «La voix du Peuple», дает руководящие мысли сотрудникам, указывает на недостатки вчерашнего номера и вообще выносит все дело на своих собственных плечах. Ему часто приходилось отечески журить Даримона и Эдмонда, молодых людей, заведовавших редакцией газеты; так например, 24 февраля 1850 года он пишет им из Сент-Пелажи: «Друзья мои, вы дети или автоматы? Когда я даю вам несколько мыслей, вы выбрасываете их на страницы газеты, как кулек крапивы. Я вам говорю, что власть ведет неверную политику, и вы начинаете одни во всей прессе кричать: „Измена!“ Этим вы накликаете на себя без всякой пользы и без всякой цели нескончаемые процессы. Вы говорите, что следуете моим внушениям; органная труба следовала бы им столь же искусно. Вы должны быть несколько понятливей и загладить свое безрассудство».

Почти в каждом номере «La voix du Peuple» появлялись подписанные и неподписанные статьи Прудона. Несмотря на умеренный тон этих статей, правительство было недовольно ими и несколько раз возбуждало против опасного публициста судебное преследование, но суд не признавал его виновным. В конце концов, при помощи угроз и дисциплинарных наказаний, правительство добилось того, что Прудон почти совсем перестал работать в газетах. Весь этот эпизод довольно любопытен, так как он рельефно характеризует Прудона как общественного деятеля.

В наказание за одну статью в «La voix du Peuple», Прудона лишили права свидания со всеми, кроме жены, и запретили ему выходить из тюрьмы. Через несколько дней после этого он написал префекту полиции униженное просительное письмо, из которого мы приведем некоторые выдержки. Он пишет: «Господин префект, благосклонное внимание, которое Вы мне оказывали столько раз, дает мне смелость обратиться к Вам с этим письмом, которое Вы можете рассматривать как чисто личное... Я Вас умоляю, господин префект, разрешить мне вновь свидания с мыслителями и ради этого я решаюсь, сколько это ни стоит моему самолюбию, дать торжественное обещание не помещать ни в каком периодическом издании ничего, касающегося политики и правительственных действий. Согласно Вашему желанию, я решительно заканчиваю свою роль публициста. Отныне мое единственное желание — заниматься научными вопросами с самой общей точки зрения, исключая всякие соображения буржуазии или пролетариата. Я надеюсь, что это обещание сделает

излишними всякие меры относительно моего поведения... Я критиковал при всеобщих аплодисментах социалистические утопии. Если доверять показаниям биржи, то я больше содействовал восстановлению порядка и спокойствия, чем вся полиция и жандармы».

Те послабления сурового тюремного режима, о которых просил Прудон, были ему оказаны, но он нарушил свои обещания и продолжал помещать в своей газете политические статьи. Его препроводили в цитадель в Дуллени и вновь запретили ему свидания. Он опять упал духом, писал отчаянные письма префекту полиции и министру внутренних дел, описывал им душевные страдания, которые испытывал в одиночестве, и просил о пощаде. Его просьбу уважили, но с угрозой усилить дисциплинарные взыскания, если он будет продолжать нарушать свои обещания. Прудон покорился и не только не решился сам полемизировать с правительством, но и прилагал все старания, чтобы общее направление «*La voix du Peuple*» имело более примирительный характер. Раньше он называл себя социалистом, теперь же советует своим сотрудникам по газете тщательно оттенить то различие, которое существует между социализмом и их собственным направлением. Он советует бросить на время политику, от которой все устали, и прежде всего народ, и обратить особенное внимание на то, чтобы их газета не выдвигалась вперед, не брала на себя ни в чем инициативы, так как «инициатива есть мученичество, а истина — такой кинжал, который убивает прежде всего того, кто его пускает в дело». Сам он во избежание дальнейших столкновений с полицией, решил передавать в ее руки всю свою корреспонденцию с внешним миром.

В обыденной жизни, среди своей семьи, Прудон кажется гораздо симпатичнее, чем на трибуне в Национальном собрании или среди революционной борьбы; трудно поверить, что один и тот же человек может так бодро выносить житейские неудачи и быть таким слабым и боязливым как общественный деятель. Он презирал Наполеона — и тем не менее писал униженные письма его министрам, советовал редакторам своей газеты ладить с правительством. Впоследствии он поддерживал деятельные сношения с принцем Наполеоном, льстил ему и говорил о славе имени Бонапарта в то время, как в частной переписке не находил слов, чтобы выражать свое негодование против узурпатора и его приверженцев. Такая двойственность Прудона вполне объясняет враждебное отношение к нему всех партий. Радикалы его положительно ненавидели и считали подкупленным правительством. Умеренные ему не доверяли и подозревали в нем тайные революционные замыслы. Он мог быть дружен только с людьми, стоявшими в стороне от текущей политической борьбы.

За время своего заключения он лишился всякого политического влияния. Его газета, расходившаяся раньше в 70 тысячах экземпляров, теперь едва могла собрать 15 тысяч читателей и не окупала расходов, хотя на ее страницах от октября 1849 до марта 1850 года Прудон вел чрезвычайно интересную и поучительную полемику с Бастиа, известным экономистом крайнего буржуазного направления, о социальном значении процента на капитал. Прудон сам предложил Бастиа публичный спор на эту тему, обязавшись помещать в своей газете все возражения противника. Спор был веден обоими экономистами довольно искусно, но победа осталась скорее на стороне Бастиа, хотя никто из споривших не признал себя побежденным. Прудон горячился, уклонялся в сторону, не возражал прямо на доводы противника и наполнял целые страницы излияниями об испорченности человеческого рода,

излияниями очень красноречивыми, но не к делу. Бастиа возражал более спокойно и логично, и потому его доводы производили на беспристрастного читателя более сильное впечатление, чем расплывчатая аргументация Прудона.

Заключение не мешало Прудону усиленно работать, и он за эти три года написал, помимо множества газетных статей, две крупные вещи — «Признания революционера» и «Идея революции XIX столетия». Эти сочинения особенно интересны тем, что в них наиболее точно развита теория анархизма как идеального общественного строя, к которому человечество должно стремиться.

Нечего и говорить, что анархия Прудона превосходит по неосуществимости все социалистические мечтания, которые он опровергает столько раз. Трудно сказать, в какой мере он сам верил тому, что говорил; пристрастие к парадоксам, по всей вероятности, осталось не без влияния на выработку его анархических теорий. Если бы он выставял анархию только как идеал, которого человечество достигнет в неопределенно отдаленном будущем, тогда было бы легче поверить его искренности; но он переносил свое требование анархии на почву практической политики, боролся во имя анархии с Луи Бланом, которого упрекал в пристрастии к государственному вмешательству, отрицал в Национальном собрании необходимость республиканской конституции, проповедовал анархию в своих газетах, — вообще поступал так, как будто упразднение государств есть дело близкого будущего. При этом, чтобы не раздражать правительства, он постоянно настаивал на том, что коренная реформа государственного строя должна быть достигнута мирным путем. Правительство Луи Наполеона с полным основанием не опасалось этой мирной проповеди анархии, полагая, что она не может иметь никакого влияния на общество и народ, и не препятствовало Прудону свободно развивать в газетных статьях и отдельных брошюрах свои неосуществимые идеалы.

Несмотря на громадное политическое влияние, которым Прудон пользовался в 1848 году, его материальное положение не только не улучшилось, но скорее ухудшилось после всех испытанных им превратностей судьбы. Он потерял на издании газет все свои небольшие сбережения, достигавшие нескольких тысяч рублей, и по выходе из тюрьмы ему предстояла трудная задача приискать себе какое-либо, хотя бы скромное, занятие для содержания себя и своей семьи. Он пишет Эдмонду незадолго до окончания срока тюремного заключения: «Я имею в виду после стольких химер приняться за свою старую службу наборщиком или приказчиком, так как литературой теперь нельзя существовать во Франции. Я задумал пересоздать экономическую науку и философию; сверх того, я занят всемирной историей. Со всем этим я справлюсь, ибо я привык работать в бедности среди всевозможных материальных неудобств. Первые свои труды я написал за типографским станком, набирая сам свои сочинения. „Экономические противоречия“ я написал за прилавком приказчика в Лионе. Последние мои произведения написаны мною в заключении. Свою жизнь я надеюсь окончить так же, как и начал. Я много трудился и в конце концов могу гордиться тем, что был одним из самых свободных людей на свете».

Такие письма имеют в себе что-то чрезвычайно трогательное: человек, который был одним из вождей своего народа, имя которого было известно всей Европе и который мог одно время надеяться стать во главе правления своей страны, думает, без всякой досады на

неблагодарное человечество и без раздражения на судьбу, искать места приказчика, как самый обыкновенный мелкий буржуа! Если бы не было документальных доказательств, трудно было бы поверить тому, в какой бедности прожил Прудон свою жизнь. В Брюсселе, где он после своего вторичного осуждения жил несколько лет со всей семьей, состоявшей к тому времени из шести человек, он платил за квартиру 10 рублей в месяц — и находил ее очень удобной. Естественно было бы ожидать, что он тяготился своей бедностью — но нет, Прудон никогда не жалуется на недостаточность своих материальных средств, отлично мирится со своим образом жизни, и только когда жить становится совсем нечем, тогда он приходит в мрачное расположение духа и начинает мечтать о разных грандиозных предприятиях, которые должны доставить торжество его принципам и обогатить его самого.

В 1852 году Прудон носился с мыслью предпринять совместно с другими литераторами и учеными Франции издание «Всеобщей биографии», содержащей в 50-60 томах жизнеописания всех героев человечества. Это издание, по его мысли, должно было иметь такое же значение для нашего времени, какое имел «Энциклопедический словарь» Дидро для XVIII столетия. Дело расстроилось за недостатком денег. Точно так же окончились неудачей хлопоты Прудона об основании своего периодического органа, газеты или журнала. Правительство Луи Наполеона продолжало косо смотреть на публициста, только что вышедшего из тюрьмы.

Хотя по закону во Франции цензуры не существовало и всякий француз имел право печатать все, что ему угодно, тем не менее фактически было невозможно напечатать что-либо неугодное правительству, так как издатели боялись судебного преследования и отказывались печатать сочинения, содержащие в себе критику правительственных действий. В этом Прудону пришлось убедиться немедленно после его освобождения. Он написал брошюру «Государственный переворот, как проявление революции», в которой доказывал, что диктатура Луи Наполеона Бонапарта, возникшая вследствие переворота 2 декабря, должна поставить своей задачей и целью осуществление идей февральской революции; только в этом случае Прудон признавал возможным оправдывать во имя народного блага совершившийся государственный переворот. В общем, эта брошюра была скорее благосклонна, чем враждебна Наполеону, и дала повод радикалам обвинять Прудона в бонапартизме. Но никто из издателей не решался ее издавать без предварительного разрешения власти. Тогда автор обратился со смелым, но почтительным письмом к самому президенту республики. Он признается, что был раньше решительным врагом президента, которого он подозревал в намерении уничтожить республику; в настоящее время он изменил свое мнение и видит в Наполеоне Бонапарте представителя революции, ибо обстоятельства сложились так, что Наполеон под опасением своего падения должен следовать революционным заветам 24 февраля; вследствие этого он просит разрешить печатание его брошюры, которая подробно развивает высказанные в письме мысли.

Просьба Прудона была уважена, и его книга появилась в печати вместе с письмом автора к президенту республики. Республиканская партия была очень недовольна новым сочинением Прудона, которое вышло в свет вскоре после того, как Наполеон грубо и насильственно захватил власть в свои руки и заключил в тюрьму или послал в ссылку всех энергичных защитников нарушенного им права.

Но несмотря на авансы, делавшиеся Прудонем Наполеону, правительство преследовало его сочинения и не разрешило ввоз во Францию другой его брошюры, «Философия прогресса», которая была напечатана в Брюсселе потому, что в Париже не находилось для нее издателя. Содержание этой книги имеет чисто теоретический характер и единственно, что могло в нем не понравиться власти, это несколько резких выражений о религии и церкви.

Прудону было бы совсем нечем жить, если бы он не получал некоторого дохода от своих анонимных сочинений; одно из них, «Руководство биржевого спекулянта», имело большой успех и разошлось в десятках тысяч экземпляров.

Первые годы после выхода из тюрьмы он со всей своей семьей вел уединенную замкнутую жизнь в Париже, составлявшую решительный контраст с бурной деятельностью в 1848 году. Его никто не посещал, кроме близких друзей, так как он лишился прежней популярности и получил в наследство от прошлого только вражду и ненависть своих многочисленных политических противников. Летом Прудон ездил в свою родную деревню, Бюржилль на Марне. Он жил в том же доме, где умерла его мать, и из его комнаты был вид на одну из самых красивых долин во Франш-Конте. По целым дням он с наслаждением слонялся по окрестностям, заговаривал с крестьянами, собирал орехи, ловил раков — вообще проводил время почти так же, как и 30 лет назад, когда десятилетним мальчиком пас коров своего отца.

Все это время он усердно искал места приказчика или поверенного по делам торговой фирмы; но его все избегали, боясь скомпрометировать себя связями с врагом государства и собственности. Прудон продолжал замышлять всевозможные хозяйственные предприятия, по большей части совершенно неосуществимые и доказывавшие его малую практическую опытность. Только раз судьба ему улыбнулась и он получил возможность если не разбогатеть, то несколько упрочить свое материальное положение. Он задумал устроить компанию для проведения железнодорожной линии от Парижа до Безансона. Каким-то образом его план оказался практичным и ему удалось набрать компанию капиталистов. Нужно было получить концессию от правительства. Того же добивалась вторая группа капиталистов, во главе которой стоял известный финансовый делец второй империи — Исаак Перейра. Прудон, по своему обыкновению, соединял с замышляемым предприятием самые фантастические представления. Он видел в компании Перейра олицетворение принципов сенсимонизма, — вероятно, потому, что его соперник, предприимчивый финансист, увлекался в молодости учением Сен-Симона. Борьба двух соперничающих компаний казалась Прудону борьбой идей.

Как и следовало ожидать, правительство дало концессию Перейре. Трудно сказать, по каким мотивам, но победители предложили Прудону и некоторым другим лицам, принимавшим участие в деле, 12.000 р. в вознаграждение за их не увенчавшиеся успехом хлопоты. Прудон категорически отверг предложение, сделанное ему в самой деликатной форме, и заявил, что он был заинтересован исключительно идейной стороной дела, а деньги и идеи — вещи несовместимые. Это было единственным денежным искушением в жизни Прудона, и он отнесся к нему, как честный и убежденный человек. Его не прельстила перспектива заполучить сразу «куш», несмотря на то, что именно в это время его материальное положение было настолько незавидно, что он думал эмигрировать из

Франции и начать новую жизнь за границей.

Политические события не могли внушить ему особой привязанности к его родной стране. Наполеон, сделавшись императором французов, стал во главе европейской реакции и возобновил времена солдатского деспотизма первой империи. Все лучшие и мыслящие люди Франции были возмущены управлением нового цезаря, но народ был утомлен политикой и желал одного спокойствия. Для Прудона, как и для многих других республиканцев, настало время глубокого разочарования в народе. В одном письме он говорит о своем политическом завещании: «Оно будет состоять из отдельных глав, и каждая глава, как у Исая, будет начинаться проклятием. Проклятие католицизму! Проклятие солдату! Проклятие чиновнику! Проклятие буржуа! Проклятие плебею! Проклятие всем! Все хотели этого, все виновны, республиканцы, социалисты, крестьяне, рабочие, буржуа, люди штыков и люди пера. Трусливая, тщеславная, чувственная нация, без нравственности, без веры, достойная быть растоптанной казацкими лошадьми!»

Когда началась Крымская война, Прудон с самым горячим интересом следил за известиями с театра военных действий. Он желал победы русским и нисколько не был увлечен патриотическим энтузиазмом, который в то время охватил французское общество. Победа Наполеона, по его мнению, могла бы только усилить империю и распространить на всю Европу тот деспотизм и солдатчину, от которых страдало его отечество. Если бы пришлось выбирать между Францией и человечеством, если бы нужно было пожертвовать родиной для осуществления идеалов свободы и равенства, он ни одной минуты не колебался бы в выборе. В этом отношении Прудон мало походил на своих соотечественников, в большей или меньшей степени затронутых шовинизмом.

В 1854 году он опасно заболел холерой, от которой у него умерла младшая дочь. В течение нескольких месяцев он не мог поправиться, и с тех пор его здоровье было расстроено навсегда. Интересно заметить, что даже в выборе способа лечения Прудон проявил оригинальность; он лечился у гомеопата, доктора Кретена, с которым впоследствии сошелся очень близко.

Блестящий успех Парижской всемирной выставки в 1855 году подал ему мысль устроить на месте выставки постоянный базар для сбыта разных изделий. Кое-кто из капиталистов отнесся сочувственно к этому плану, и вот мы видим 46-летнего Прудона, увлеченного, как юноша, своим новым проектом. Он мечтает осуществить нечто вроде Народного банка, только в гораздо больших размерах. Парижский базар должен сделаться центральным пунктом при обмене товаров, обороты его в скором времени должны достигнуть нескольких миллиардов франков в год, и вся экономическая организация страны должна мало-помалу принять другой вид. Но этот мыльный пузырь недолго тешил своими радужными красками уже немолодого мечтателя, и дело разладилось по недостатку средств.

Версия #1

Зверобой создал 15 марта 2025 10:31:47

Зверобой обновил 15 марта 2025 10:32:21